

О печальной и героической судьбе яхты «Вега»

АРКАДИЙ ТИГАЙ

Сейчас хорошо, а было плохо: ни свободы, ни прав человека, не говоря уже о толерантности и плюрализме мнений. А каждая иностранная яхта, просочившаяся в нашу Северную столицу Ленинград, собирала толпы зевак, которые целыми днями болтались на набережной, глаза на заграничную диковину. На транце написано «Вега». Это название. И порт приписки — Антверпен.

Ленинградцы любят эту красавицу, в то время как силами экипажа непосредственно на борту начинается увлекательное действие: на ванты взлетает плакат с надписью «Greenpeace», а длинноволосые яхтсмены, вооружившись гитарами, приступают к исполнению энергичных песен, приплясывая и оглашая окрестности выкриками и гиканьем. Халявный концерт на иностранном языке, естественно, добавляет зрителей, которые теперь уже роятся вокруг «Веги», как мухи вокруг свежих коровьих лепешек, нарушая тем самым величественное течение жизни города трех революций.

Дальше — больше: лохматые гринписовцы переходят к активным формам агитации и начинают раздавать зрителям брошюры, призывающие к «экологическим протестам». Дело принимает нешуточный оборот...

Что такое экология, никто толком еще не знает, и на экстренном совещании в КГБ выступающие нередко сбиваются на гинекологию, пока привлеченный для консультации университетский профессор не растолковывает, что речь идет о защите среды обитания. Посыпались мнения, обобщил которые председательствующий генерал. «Никому не позволим вмешиваться в исконно нашу среду обитания! — решительно заявил он. — И никакие иностранные защитники нам тут не нужны! Призвать нарушителей к порядку!»

Но уговорить вошедших в раж защитников природы оказалось не так просто. На призыв прекратить безобразия они начали буквально рвать на себе одежду, визжать и сопротивляться, категорически отказываясь выполнять распоряжения компетентных органов. Тут же появились плакаты с требованиями свободы слова и собраний, и это уже серьезно. Доложили в Москву. Оттуда последовал приказ: «Выдворить немедленно!».

Без лишних слов у яхты «рубят швартовные концы», «цепляют за ноздрю» и военным буксиром, под визгливые протесты экипажа выволакивают нарушителей спокойствия далеко в нейтральные воды Финского залива.

«...В дискуссии не вступать. Враждебные действия пресекать. В случае проникновения яхты «Вега» в территориальные воды страны — выдворять без объяснения причин!» По каналам спецсвязи эта ориентировка проходит во все подразделения морских пограничников и фиксируется в вахтенных журналах воинских частей и кордонов.

Ночь опускается на Финский залив. И вот, в то время как надежно закрытая на замок граница засыпает мирным сном, из города Выборга в поход по местам боевой славы Военно-Морского флота выходит старая, довольно-таки задрипанная деревянная яхта с экипажем из шести человек. Она уныло движется из Выборгских шхер в сторону Финского залива, а буквы, начертанные на облупившемся борту, сообщают, что имя этой яхте — «Вега». Но в отличие от иностранной тезки, наша «Вега» несет на себе не длинноволосых разболтанных музыкантов, а экипаж, как на подбор состоящий из надежных, дисциплинированных патриотов-активистов, хорошо проверенных балтийскими штормами и соответствующими организациями.

Яхта плывет, экипаж закусывает. И вот уже прямо по

курсу поднимаются береговые укрепления базы пограничных катеров. А дальше — открытая вода Финского залива, по которой гуляют пенистые барашки, поднятые шестибалльным северным ветерком. В вантах уже посвистывает. Такелаж скрипит. Давление падает. Ночь обещает быть беспокойной.

«Чего мы там не видели в такой ситуации?» — спрашивают себя активисты и, недолго думая, заходят в ковш военной гавани. Тут в тишине ночи они швартуются к безлюдному бону рядом с боевыми кораблями. К дежурному порта посылают самого трезвого — боцмана Животченко, который, в произвольной, неуставной форме информирует заспанного мичмана о яхте, ставшей в гавани на ночевку.

– До утра? — уточняет мичман и, раскрыв вахтенный журнал, интересуется именем яхты.

– Яхта «Вега».

– «Вега»?!

– А фигли? — вопросом на вопрос отвечает Животченко, удивляясь внезапной бледности, появившейся на лице дежурного, сознание которого начинает буквально раздваиваться.

Есть от чего. С одной стороны, мичман собственными глазами читает текст ориентировки, требующей немедленных и решительных действий в отношении враждебной яхты «Вега». С другой стороны, перед ним топчется явно «свой человек» — патриот и активист, о чем красноречиво свидетельствует ватник, кирзовые сапоги и тонкий запах вчерашнего перегара в комбинации с ароматом солянки, исходящим от засаленных ватных галифе. Хотя... кто его знает? Может, враг искусно замаскировался? Тайно на копытах перешел границу и теперь пытается усыпить бдительность мичмана этими самыми ватными штанами? Дежурный хватает трубку и звонит в штаб, вахтенному офицеру. Тот, соответственно, поднимает с постели начальника особого отдела, и уже вместе они телефонируют командиру части, докладывая о чрезвычайном происшествии. Вот тут и начинается настоящий скандал. Срывающимся от волнения голосом командир кричит, что пребывание вражеского судна на территории воинской части приравнивается к измене Родине и что «сию же минуту с дежурного и особиста полетят погоны, чтобы под трибунал они пошли разжалованными»...

И вот уже рев сирены оглашает бухту. Топот ног, голоса команд, тарактенье запускаемых двигателей... На этот раз уже нашу «Вегу» «цепляют за ноздрю» и в сопровождении эскорта пограничных катеров выволакивают в нейтральные воды. Патриоты при этом истошно вопят, размахивая партбилетами в знак своей безусловной лояльности родному государству. Всё мимо. Не слушая увещаний, конвоиры сбрасывают буксировочный конец и наводят на «Вегу» орудие.

– Чтобы духу вашего не было!

– Куда же нам, товарищи?

– Об этом своих хозяев спрашивай, сука! — гремит над заливом голос, многократно усиленный динамиком. — В случае нарушения Государственной границы открываю огонь на поражение!

И тотчас грохот пулеметной очереди, пущенной поверх стоячего такела-

жа зловредной «Веги», подтверждает решительность намерений пограничников.

Что делать? Как быть? Куда деваться несчастным изгнанникам?! Некоторое время под неусыпным контролем катеров яхта барражирует вдоль границы. Медленно поворачивается баковое орудие, следуя за темным силуэтом «Веги». Иногда с борта яхты доносится отчаянный крик:

– Братцы, мы свои!

– Поговори у меня! — слышится в ответ.

И снова тишина. Никакой реакции, только голова тюленя выглядывает из воды, ибо балтийские тюлени весьма любопытны.

Где-то вдаль маячит финский берег, от которого веет враждебным холодом. Еще дальше — шведский. А там Германия, Дания, агрессивный блок НАТО!.. Что происходило в душах шести патриотов, оказавшихся в таком отчаянном положении в окружении врагов, трудно сказать. Дальнейшая судьба «Веги» остается неизвестной, поскольку рация на судне отсутствовала, а мобильный телефон в те времена еще не был изобретен. Так и растаяла «Вега» в утренней дымке. Казалось, навсегда.

Но вот что стали замечать ночные вахты судов, пересекающих Балтику в разных направлениях: время от времени в открытом море из туманного мрака ночи вдруг выплывает силуэт яхты — обросший корпус, рваные паруса, обрывки такелажа, уныло свисающие с почерневшей от времени мачты... Отчаянно скрипит свободно болтающийся румпель. И ни одной живой души на борту.

Завидев дрейфующую яхту, капитаны многих судов делали попытку подойти к ней, но тщетно — «Вега» растворялась в темноте так же, как появлялась, неожиданно и загадочно.

И еще одна загадка: балтийские тюлени, чьи лежбища находятся на приграничных островах, начали вещать человеческими голосами, о чем регулярно сообщают промышленные тут рыбаки. Очевидцы утверждают, что собственными ушами слышали, как один тюлень проревел другому: «Мы свои, товарищи!» А тот ему ответил: «Тамбовский волк тебе товарищ, морда американская!»

